

Анатолий Фёдорович Кони

А.С. Пушкин

Речь на торжественном заседании в Доме литераторов
в 84-ю годовщину со дня смерти Пушкина 11 февраля 1921 г.
была опубликована в "Вестнике литературы" 1921 г. No 3.

Оригинал здесь -- http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/BIO/KONI/AFKONI_R.HTM

Настоящее собрание присутствует при зарождении всенародных, всероссийских поминок по Пушкину, которые должны являться не мимолетным порывом чувства, не временным проявлением симпатии к погибшему так рано поэту, а чем-то хроническим, ежегодным, всероссийским, повторяемым с непреложностью известного нравственного закона, и представлять собой общепонятный и общесознаваемый праздник для всех мыслящих русских людей.

Может возникнуть вопрос - почему же будет праздноваться (в сущности эти поминки будут носить праздничный характер) его смерть, а не день его рождения? Ответ довольно прост. Да потому, что рождение не создает никакого определенного образа, с представлением о рождении не соединяется ничего конкретного, ничего такого, что бы выделяло этого ребенка из числа других (кроме случаев какого-нибудь уродства), а поэт, и в особенности такой поэт, как Пушкин, может сказать про себя словами другого поэта: *"Мой образ вылит, еще резца последний взмах,- и гордо станет он в веках"*. Но это он может сказать перед концом своей жизни. Следовательно, смерть рисует поэта, смерть подводит ему известного рода итог. И наконец, - и это очень важно, - смерть гораздо сильнее ударяет по сердцам, чем рождение. Смерть соединяет всех тех, которые ценили умершего человека, в одном чувстве скорби, смерть заканчивает его существование и звучит как последний аккорд. Наконец, те, кто верует в загробное существование, знают, что оплакивать и вспоминать приходится не в день рождения, а в день смерти. Поэтому нужно праздновать именно день смерти Пушкина, а не день его рождения, и праздновать в том смысле, что с этого момента началось настоящее рождение русской литературы в его настоящем смысле, рождение русского языка в его настоящем объеме и красоте.

Пушкин сказал: *"Мы ленивы и не любопытны"* [1]. Этим он хотел сказать, что в большинстве случаев у нас не существует вчерашнего дня. От этого завтрашний день такой неясный, туманный. Мы не знаем вчерашнего дня не только в нашей жизни, но и в жизни общественной, и то, что могло воспитать в нас чувство долга, что могло дать нам темные и светлые картины прошлого, все это исчезает в туманной дали. К этим словам можно прибавить еще и другое - мы не только ленивы и не любопытны, но еще и неблагодарны. И Пушкин все это испытал на себе. И долг русского общества вознаградить его за то, что он выстрадал, за то, что пережила его страдальческая тень.

Пушкин умер в разгар своего таланта, а между тем вокруг него уже возростало равнодушие. В последние годы жизни Пушкина общество относилось к нему довольно холодно. Одни говорили, что он устарел. Это были люди, которые не дозрели до понимания Пушкина. Другие говорили, что Пушкин исписался. Это были люди, неспособные подняться до его духа. А затем кругом него кипела презренная клевета. Ведь он сам говорил перед смертью: *"Пора, пора, покоя сердце просит"* [2]. И это уставшее, израненное сердце было увезено тайком, никому неизвестно, и схоронено так, что над ним не плакали те, которые поняли, чего они лишились. Да кроме того, в это же время теснила его цензура. Он не мог уйти от этой цензуры, которую характеризовал *"богомольной нашей дурой, слишком чопорной цензурой"* [2]. Эта цензура теснила его всячески. "Капитанскую дочку" он должен был печатать не под своим именем. "Медный всадник" был запрещен. Когда Пушкин умер, вышел его портрет-гравюра, под которым было написано: *"Угас огонь на алтаре"*. Один такой портрет был подарен мне Гончаровым. По требованию цензуры полиция этот портрет конфисковала, и имевшие такой портрет старались заклеить его рамкой так, чтобы не было видно подписи. А сочинения Пушкина, разве они были распространены так, как следует? После его смерти вышло два неполных издания. А затем жена Пушкина, движимая известного рода корыстными побуждениями, выхлопотала у Александра II продление авторских прав с 30 лет до 50-ти [3], - та самая жена, о которой Пушкин рассказывал Смирновой, что по ночам, когда он хотел записать какие-нибудь пришедшие ему в голову стихи или мысль и зажигал при этом свечку, она тушила эту